

Андрей **ГАНИН**,
кандидат исторических наук

ПУСТИТЬ В РАСХОД НИКОЛАЯ КАРЛОВИЧА

*За что был расстрелян глава русской военной разведки?**

Исторический путь развития отечественной военной разведки полон ярких и удивительных операций, однако за успехами и неудачами всегда стояли конкретные люди, большинство из которых, не щадя своих сил, работали на благо своей страны. К сожалению, отношение власти к этим профессионалам нередко было далеко не соответствующим их заслугам и стараниям. Подобное отношение было особенно характерно для советского периода истории военной разведки, когда ценнейшие высококвалифицированные кадры разведчиков нередко подвергались бессмысленным арестам и расстрелам.

К сожалению, проблема репрессий в отношении военспецов до сих пор не получила своего объективного и всестороннего освещения. Мы уже писали о том, что большевистские репрессии против старой военной элиты в годы Гражданской войны не отличались особой логикой и во многих случаях шли во вред зарождавшейся Красной армии¹.

В этом очерке предпринята попытка проанализировать одно из расстрельных дел той эпохи, по которому без какой-либо вины с его стороны был уничтожен бывший руководитель Особого делопроизводства Главного управления Генерального штаба (ГУГШ) полковник Николай Карлович Раша, являвшийся фактическим главой русской военной разведки в годы Первой мировой войны. При подготовке очерка были использованы материалы РГВИА и РГВА, а также документы из семейного архива Н. А. Сергеевой — правнучки казнённого полковника Раша, которой удалось получить доступ к расстрельному делу прадеда.

Репрессии в отношении военных разведчиков активно проводились на протяжении 1918–1919 годов. 5 сентября 1918 года фактически в полном составе было арестовано военно-агентское отделение Всероссийского Главного штаба (ВГШ) — начальник К. И. Жихор, сотру-

Полковник Н. К. Раша.
Архив Н. А. Сергеевой.

ники В. А. Ивановский и П. С. Арапов (последний — не Генштаба). Неудивительно, что при таком подходе большевики, по сути, лишились всей зарубежной военной разведки, которая и находилась в ведении данного отделения. Прекрасно понимавший нужды советского военного ведомства председатель Реввоенсовета республики Лев Троцкий в октябре 1918 года просил председателя ВЧК указать, какие арестованным Ивановскому и Жихору предъявлены обвинения и сообщал, что «для разрешения текущих дел крайне необходимо наличие указанных работников»². Однако просьба Троцкого никак не ускорила исход этого дела.

В 1919 году последовала вторая волна репрессий против военных разведчиков — тогда арестам подверглись консультант Регистрационного (разведывательного) управления (Региструпра) Полевого штаба РВСР бывший Генштаба капитан Г. И. Теодори, начальник разведывательного отделения Полевого штаба бывший Генштаба капитан Б. И. Кузнецов, консультант разведывательного отделения бывший Генштаба капитан Ю. И. Григорьев, бывший на-

чальник агентурного отдела Региструпра в прошлом Генштаба штабс-капитан Г. Я. Кутырев. Хотя эти аресты не имели под собой серьёзных оснований, именно они лишили большевиков возможности в сжатые сроки обзавестись собственной военной разведкой.

3 августа 1918 года был арестован и уже 14 сентября расстрелян полковник Раша, руководивший русской военной разведкой с марта 1914 по август 1916 года.

Николай Карлович родился 26 октября 1877 года в семье личного дворянина Московской губернии. Он окончил 4-ю московскую гимназию, курс Московского военного (до 9 июля 1897 года — пехотного юнкерского) училища по первому разряду (1898) и Николаевскую академию Генерального штаба (1904). На службу он поступил рядовым на правах вольноопределяющегося 30 августа 1896 года в 4-й гренадерский Несвижский полк. Уже в юнкерские годы Раша выделялся среди сверстников. Так, например, 19 июля 1897 года он был награждён шашкой за отличную стрельбу, а на следующий год также получил приз за успехи в стрельбе. Из училища Раша вышел в лейб-гвардии Санкт-Петербургский короля Фридриха Вильгельма III полк. Выделялся Раша среди сверстников и в дальнейшем — и когда с первой попытки поступил в престижную Николаевскую академию Генштаба, и при её окончании, когда за отличные успехи в науках удостоился производства в следующий чин штабс-капитана, и позднее, во время службы по Генштабу.

Сразу после академии последовало серьёзное испытание — командировка в распоряжение императорского наместника на Дальнем Востоке и участие в Русско-японской войне, за которую он получил четыре боевых ордена.

С 10 июня 1905 года Раша — старший адъютант штаба 26-й пехотной дивизии. Уже после окончания войны, 1 ноября 1906-го, последовало прикомандирование к 103-му пехотному Петрозаводскому полку для цензового командования ротой. В полку Раша вновь продемонстрировал своё давнее умение метко стрелять и блестяще выступал на офи-

*Выражаю благодарность Н. А. Сергеевой и кандидату исторических наук В. Б. Каширину за содействие в получении документов следственного дела полковника Н. К. Раша.

церских состязательных стрельбах. Но в ноябре 1907 года он вернулся на прежнее место службы — в 26-ю дивизию, где прослужил до 28 февраля 1911-го. Затем, с 28 февраля 1911 по 27 марта 1914 года, Раша занимал пост помощника делопроизводителя ГУГШ.

За годы военной службы Раша проявил себя как храбрый и знающий офицер. Был награждён орденами св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом (1904), св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» (1904), св. Анны 3-й степени с мечами и бантом (1905), св. Станислава 2-й степени с мечами (1905)³. Наконец, в 1910 году он был награждён орденом св. Анны 2-й степени.

В аттестации Раша от 1 ноября 1913 года отмечалось: «Обладая отличными способностями, живым и энергичным характером, а также отличаясь усердным и аккуратным отношением к делу, является прекрасным работником, одновременно (?), текст обрезан. — А. Г.) способным с полным успехом и вполне самостоятельно выполнить любую порученную ему работу.

Быстро схватывает сущность всякого дела, работает не только хорошо, но и очень быстро.

Знает французский язык и в совершенстве владеет немецким языком, вследствие чего был весьма ценным работником в германском делопроизводстве.

В нравственном отношении безупречен. Отлично дисциплинирован. Прекрасный товарищ. Всегда сохраняет бодрое настроение духа.

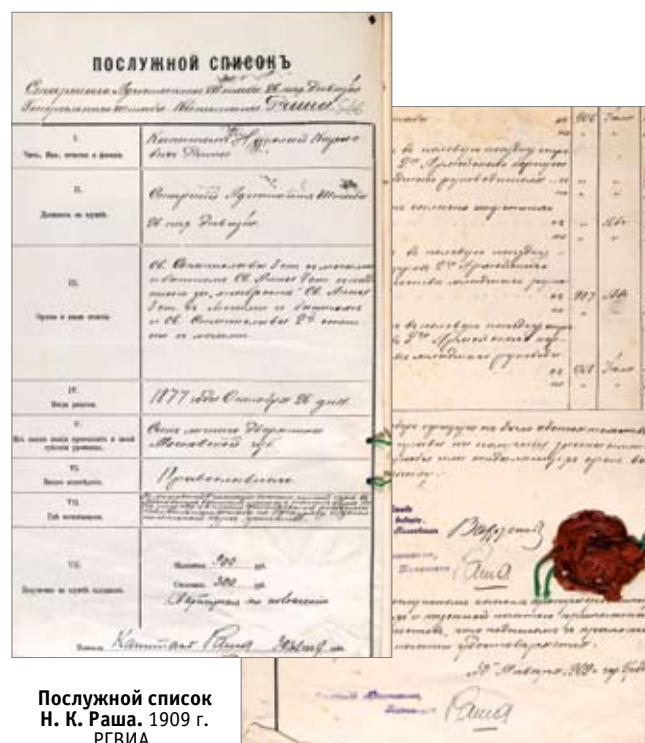
В физическом отношении отличается крепким здоровьем, в верховой езде неутомим.

Отличный.

Достоин выдвижения вне очереди на должность делопроизводителя Главного Управления Генерального Штаба»⁴.

Выдвижение не заставило себя долго ждать: уже с 27 марта 1914 года Раша занял пост делопроизводителя ГУГШ. На посту руководителя Особого делопроизводства ГУГШ, ведавшего вопросами разведки, он сменил Генштаба полковника О. К. Энклея. К началу Первой мировой Раша уже выслужил чин полковника. На должности делопроизводителя он пробыл почти все военные годы. Только в начале 1917-го он получил в командование 48-й пехотный Одесский полк. Уже после большевистского переворота, 25 ноября 1917 года, стал начальником штаба 12-й пехотной дивизии⁵. Позднее служил начальником штаба XI армейского корпуса.

Раша сравнительно быстро и вполне добровольно откликнулся на призыв руководителей РККА к бывшим офицерам Генштаба поступать на советскую военную службу и был зарегистрирован в списке № 5, датированном 21 мая 1918 года⁶. С 18 мая 1918 года и до ареста он служил новой власти, но не по линии военной разведки — исполняющим должность начальника транспортного отделения этапно-транспортного отдела управления военных сообщений при Московском округе путей сообщения⁷. Об обстоятельствах своего поступления на советскую военную службу Раша сообщил на допросе следующее:

Послужной список
Н. К. Раша. 1909 г.
РГВИА.

«тов[арищ], с которым я учился в 4-ой Московской Классической Гимназии, Владислав Карлович Дмоховский, где проживает не знаю, с которым я не виделся 23 года, узнал, что я не у дел и в отставке, сказал о[б] этом Н[ачальни]ку Военных сообщений[ий] Московского Округа Афанасьеву Владимиру Александровичу, который, по-видимому, навёл обо мне справки и телеграфировал мне в Вологду, чтобы я занял вышеупомянутое место»⁸.

Уже после ареста Раша 5 сентября был утверждён в занимаемой им должности Высшей аттестационной комиссией⁹. Похоже, военные власти просто не были осведомлены об аресте военспеца до самого финала его дела. Одним из подтверждений этому было включение Раша 27 августа 1918 года в комиссию для пересмотра и разработки устава полевой службы под председательством бывшего генерала А. Е. Гутора¹⁰.

В расстрельном деле Раша всего несколько листов, содержание которых способно вызвать лишь недоумение. Из документов следует, что вся «вина» арестованного заключалась лишь в том, что он зашёл в гости к своему старому

Группа офицеров 48-го пехотного Одесского полка на позиции перед штабным домиком.

1. командир полка полковник Н. К. Раша;
 2. помощник командира полковник Изотов;
 3. полковой священник отец Петропавловский;
 4. полковой адъютант поручик Касаткин;
 5. начальник полицейской команды поручик Соколовский;
 6. начальник пулемётной команды поручик Самойленко;
 7. начальник команды связи поручик Ланцев;
 8. начальник команды по сбору оружия прапорщик Шишко;
 9. капельмейстер Зыгмунтович. 19 февраля 1917 г.
- Архив Н. А. Сергеевой.

копия № 1

В. Ч. К.
ОТДЕЛ ХРАНИЛИЩ

№ 1191
Копия

Квитанция № 2090
Дата 1918 г.

Принято от Маршалов ст. Ч. К. Отд. № 1

в связи с Раша, Николае Карловича

по протоколу ордер № № 01.

№	Перечень принятых вещей.	КОЛИЧЕСТВО		СУММА	
		Рубль	Коп.	Рубль	Коп.
1	Золотые часы № 71115				

Генерал К. М. Раша
Сержант В. С. Сорокин

копия № 1

Тренинские

Удара от Раша Николае Карловича.
Башинскому Раша явился как старому
знакомому. Шёл к нему первый раз, чтобы
как он знакомый. Башинский заговорил
к нему только один раз на полтора
переноса в Тренинском Николае не шёл
до его вранд и Раша Карлович в
Тренинград, но и вранд шёл не приехал.
На казачьи шты и вранд обещал
но отказывался говорить
в этой вранд Николае в Тренинском
не говорит.

13/8-18 г. Н. Раша
Сержант В. Сорокин

Документы следственного дела Н. К. Раша. Квитанция об изъятии золотых часов и протокол допроса 13 августа 1918 г. Архив Н. А. Сергеевой.

знакомому генерал-майору артиллерии Р. И. Башинскому. Как выяснилось, тот был накануне арестован, а на его квартире чекистами устроена засада, в которую и попал Раша. Всё произошло молниеносно. На допросе Раша показал: «Пришёл в Харитоньевский пер., на квартиру быв. генерала Башинского, спросил, нельзя ли его видеть, мне сказали: «войдите» и провели из кухни (так в документе. — А. Г.), в этой кухне мне сказали, что вчера или третьего дня все живущие вместе с хозяевами арестованы, когда я спросил, куда девали Башинского, то и меня арестовали»¹¹. При аресте у бывшего полковника изъяли золотые часы.

Нам неизвестно, был ли действительно, а не мнимым контрреволюционером генерал Башинский. К сожалению, его дело, как и многие другие следственные дела той эпохи, до сих пор исследователям не доступно. Известно лишь, что зашедший к Башинскому в гости Раша обвинялся в том, что «он, как бывший полковник Генерального штаба, поддерживал связь с «контрреволюционными элементами». Своей вины Николай Карлович не признал, а каких-либо доказательств в деле не было¹². Во время следствия Раша содержался сначала в Таганской тюрьме, а затем — в арестном доме при ВЧК, допрошен он был только дважды, причём весьма формально (3 августа в день ареста и 13 августа). Во время первого допроса на вопрос об отношении к большевикам и к той или иной политической ориентации он отвечать отказался. При этом лично добавил в

протокол допроса следующую запись: «На вопросы политического характера, в частности, на вопрос о том, как относиться к большевикам, принципиально не отвечаю. Н. Раша»¹³. Эту фразу можно истолковать по-разному. Скорее всего, он, как и большинство бывших офицеров, не разбирался в политике и опасался запутаться в показаниях. Возможно также, что Раша плохо относился к новой власти и поступил на советскую службу в связи с необходимостью обеспечивать семью. Однако вышло хуже, чем можно было предположить. Отказ от показаний не спас арестованного, а, по всей видимости, как раз погубил его.

Вопиющий непрофессионализм следствия и бессмысленность действий чекистов бросаются в глаза. Никаких вопросов, которые могли бы пролить свет на «контрреволюционную» деятельность арестованного, задано не было. Следователя интересовало лишь то, по чьей рекомендации Раша устроился на советскую службу. Своих поручителей Раша указал, однако в заключении по делу 10 августа следователь почему-то записал, что и на этот вопрос арестованный ничего не ответил. Видимо, это было сделано для большей убедительности приговора. Тогда же впервые было предложено применить в отношении Раша «как определённого врага советской власти, состоящего в связи с другими контрреволюционерами», высшую меру наказания.

В ходе второго допроса Раша должен был более подробно рассказать о своих

отношениях с генералом Башинским, характере их разговоров и наличии переписки. Следователь опять записал, что Раша «на политические темы и вопросы абсолютно отказывается говорить». И вновь ничто не свидетельствовало о виновности подсудимого.

В «Заключении» по делу 16 августа отмечалось: «Раша — полковник Генерального штаба. Отказывается отвечать не только на вопросы политического характера, но даже на все. Имеет знакомство с контр[еволюционером] Башинским. При допросе оставляет впечатление заядлого контрреволюционера. Предлагаю Раша подвергнуть высшей мере наказания». Об участии генерала Башинского нам не известно, но едва ли ему повезло больше.

Спустя месяц приговор в отношении Раша был приведён в исполнение. Так осуществлялось бессмысленное истребление наиболее квалифицированных кадров русской военной разведки, в то время как многие подлинные шпионы разгуливали на свободе. Позднее из-за кадровых проблем разведку пришлось создавать с нуля методом проб и ошибок, подчас дорого стоивших Советской России. Не случайно в докладе начальника 1-го отделения 1-го отдела Региструпра бывшего Генштаба капитана В. А. Срывалина, направленном начальнику 1-го отдела Г. Я. Кутыреву 19 февраля 1919 года, говорилось о катастрофическом положении советской военной разведки¹⁴.

Однако вернёмся к делу Раша. Супруга арестованного, дочь потомственного

дворянина Вера Ивановна (урождённая Степановская), оказавшись в связи с арестом мужа в крайне тяжёлом материальном положении, обратилась 13 сентября, за день до гибели мужа, к начальнику оперативного управления ВГШ: «Муж мой, Генерального Штаба Николай Карлович Раша, был арестован 3 августа с. г. и находился в Таганской тюрьме, но последнее время его местонахождение было изменено, и я его разыскать не могу.

На моих руках находятся трое малолетних детей, из коих младшему нет ещё года¹⁵; поступить в Москве куда-нибудь на службу или получить какую-нибудь работу я лишена возможности, так как всё время должна посвящать заботам о детях и домашнему хозяйству.

Не имея других средств к жизни, кроме получавшегося мужем жалования, я, благодаря аресту мужа, продолжающемуся уже больше месяца, очутилась в безвыходном положении.

Не имея возможности оставаться дальше в Москве и желая уехать в Вологду к своим родным, прошу Вас помочь мне и выдать мне пособие из фонда вспомоществования чинов Генерального штаба как на переезд, так и для того, чтобы я могла просуществовать с детьми первое время, пока не подыщу какой-нибудь подходящей для себя работы¹⁶. Начальник Всероглаштаба известный военный учёный А. А. Свечин распорядился пойти навстречу несчастной женщине и выдать ей 500 рублей из фонда взаимопомощи лиц Генштаба на переезд из Москвы к родственникам в Вологду с тем, чтобы её муж вернул эти деньги из жалования после своего освобождения. Соответствующая резолюция была наложена Свечиным на докладе начальника оперативного управления ВГШ С. А. Кузнецова 17 сентября, когда Раша уже не было в живых. Военное руководство, похоже, просто не предполагало столь трагического исхода этого дела.

Бывший полковник Раша добровольно поступил на службу в РККА, и большевики вполне могли при желании использовать его знания и опыт, однако вместо этого он был уничтожен по совершенно нелепому обвинению. Не секрет, что в то время с наличием квалифицированных специалистов в области военной разведки в Советской России были огромные сложности, и привлечение к разведывательной работе опытного специалиста могло бы принести большевикам ощутимую пользу. Тем более, что фактов, свидетельствовавших о причастности полковника Ра-

Н. К. Раша с семьёй. 1912 г.
Архив Н. А. Сергеевой.

ша к контрреволюционной деятельности, не было.

На основании этого небольшого эпизода можно сделать вывод о том, что органы ВЧК своими действиями в годы Гражданской войны приносили Советской России и Красной армии отнюдь не только пользу, претворяя различные заговоры и мобилизуя население репрессивными мерами, но подчас и существенный вред, прежде всего вследствие вопиющего непрофессионализма многих своих сотрудников, действовавших вопреки нуждам военного ведомства и без необходимого

согласования с военными. Случалось, что военные власти долгое время ничего не знали о судьбе тех или иных своих специалистов, которые оказывались в распоряжении ведомства Ф. Э. Дзержинского и даже издавали приказы о назначении таких лиц на новые должности. Разумеется, в таком случае вмешаться и спасти своего сотрудника от репрессий они уже не могли. Тем более, что в то время суровая участь арестованного могла определяться одной бездоказательной фразой: «Оставляет впечатление заядлого контрреволюционера»...

Все иллюстрации к статье публикуются впервые.

Примечания

1. Ганин А. В. «Товарищ Склянский — заступитесь...» Генштабисты и чекисты в Гражданскую войну // Родина. 2009. № 1. С. 78–83. В качестве иллюстраций к этой статье были опубликованы некоторые документы по делу Раша.
2. РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 66. Л. 113.
3. Сведения о дореволюционной службе Раша приведены по его послужному списку на 30 января 1909 года. — РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 34003. П/с 348-295. Л. 1–6 об., а также по печатным спискам Генерального штаба: Список Генерального штаба. Исправлен по 1-е Июня 1914 года (С приложением изменений, объявленных в Высочайших приказах по 18 Июля 1914 г.). Пг. 1914. С. 498; Список Генерального штаба. Исправлен по

3-е Января 1917 года (С приложением изменений по 8 Февраля 1917 г.). Пг. 1917. С. 83.
4. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4629. Л. 1 об.
5. Список Генерального штаба. Исправлен по 1 марта 1918 г. Дополнение к списку Генерального штаба изд. 1917 г. М. 1918 (Библиотека РГВИА. Инв. № 9923). С. 83.
6. РГВА. Ф. 25863. Оп. 1. Д. 36. Л. 7–7 об.
7. Там же. Ф. 11. Оп. 5. Д. 245. Л. 49.
8. Протокол допроса Н. К. Раша// Архив Н. А. Сергеевой.
9. РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 245. Л. 49 об.
10. Там же. Оп. 1. Д. 60. Л. 60.
11. Протокол допроса Н. К. Раша.
12. Заключение Генеральной прокуратуры РФ по делу Н-34 Н. К. Раша от 26 мая 1999 года//

Архив Н. А. Сергеевой.
13. Протокол допроса Н. К. Раша.
14. РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3. Л. 189–197. Частично и без указания места хранения этого важного документа доклад опубликован в: Кочик В. Советская военная разведка: структура и кадры. Статья вторая (1918–1921)//Свободная мысль. 1998. № 6 (1475). С. 89–92; Лурье В. М., Кочик В. Я. ГРУ: дела и люди. СПб.; М. 2002. С. 18–21.
15. Старшие дети полковника Раша, Дмитрий и Татьяна, родились 28 августа 1906 г. и 9 марта 1908 г. соответственно. Младший сын Кирилл родился 3 сентября 1917 г. и скончался 28 июля 2006 г., вскоре после ознакомления со следственным делом отца.
16. РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 245. Л. 51–51 об.